

ЖЕНСКИЙ ВЫЗОВ (ПАМЯТИ ХВОЩИНСКОЙ †8 июля 1888 г.)

Женское литературное творчество до сих пор отделяется, как что-то иное, чем мужское. Действительно ли оно иное? Есть писательницы всемирно известные, но и в их поэзии ищут свойств особых, не мужских. Так было со Сталь, так было с Жорж-Занд. Искали психологии женской, женских точек зрения. Не с жадной любознательностью (потому что вся европейская литература, как и вся цивилизация, – мужская в своей психологии, в своих точках зрения) – но, скорее, с пренебрежительным любознательством. И по большей части писательница должна была преодолевать заранее принятое к себе снисхождение или пренебрежение. С другой стороны – литература мужская уже давно направилась по линии интереса к женскому. Не так как это было еще в древности, когда судьба Федры или Антигоны привлекала внимание настолько же, насколько судьба Ипполита или Эдипа. Но именно – к женскому. Это началось с сентименталистов. В исканьи непосредственных чувств они остановились на чувствах женских и – вот явились Памеллы, Клариссы, Виргинии и Элоизы и до Маргариты. Включительно? Нет. Женщины Пушкина, а затем и Тургенева, и Толстого в сравнении с мужчинами сильнее, потому что страстнее, порывистей, одареннее, человечнее. Женщин Вагнера можно еще объяснить отражением народных сказаний Германии, но женщины Ибсена это уже сознательный вызов великого поэта – удар европейской культуре, жалкой в своем мещанстве потому, может быть, что она – лишь мужская. Сошлись ли общие точки зрения писательниц и тех писателей, которые, начиная с сентиментализма, подняли женщин над мужчинами?

Та писательница, воспоминание о которой еще раз невольно затрагивает этот вопрос, – один из самых неизвестных и лучших наших писателей (а не только писательниц). Я бы прибавил к этим словам – обычные: «к стыду нашему», если бы в моем сознании история нашей литературно-общественной сознательности (не инстинктивности – здесь мы все чуть ли не гениальны!) – не была историей нашего стыда.

Читали ли вы Хвощинскую? – Кого? – Нет, не знаю. – Хвощинскую-Заиончовскую? – В первый раз слышу. – Неужели? «В. Крестовский»? – Ах, это – «Петербургские трущобы». – Нет, то Всеволод Крестовский, вообще очень сомнительный. Хвощинская-Крестовский – это «Большая Медведица»... Ах, читал, читал когда-то. Уж забыл, там какая-то барышня все никак не может – убедить [мужа] развестись со своей женой.

«Большая медведица» самый большой;¹ самый разработанный в своей сути, но даже <нрзб.> все-таки самый художественный из многих романов Хвощинской, писательницы, за которой лучше всего было бы сохранить в истории это ее девичье имя, а не псевдоним, который смешивается с именем писателя почти вне литературы. Ее замужество (Заиончковский) было очень

¹ Далее зачеркнута неоконченная фраза: может, самый определенный по замыс...

недолгое, неудачное, и какое-то, по-видимому, случайное, – насколько известно, как и все мало известно в ее жизни.

Она была дочь провинциального чиновника, глубокая провинциалка, – почти до конца жизни прожив, исключая редкие отъезды в столицу, – в родной Рязани. Она знала провинцию. Это и была тема ее жанра – в первых ее романах, писанных еще в конце 40<-ых> годов. Потом – для следующих романов, самых ярких, 60-ых годов – провинция становится только художественным фоном. Тема ее перерастает провинциальный жанр, она становится общественной, притом резко общественной, вызывающей. Лучшими бытописателями русской провинции Николаевского времени был, конечно, Писемский и Салтыков. Писемский – колоритнее, Хвоцинская вдумчивее. Но оба одинаково злы, почти как Салтыков, которого жанр становился всегда откровенной сатирой. Писемского никто не упрекает в женственности, Салтыкова тем более. Хвоцинская ближе всего к ним, а не к Тургеневу или Гончарову. Она женственнее, если принять женственное как нежное. Вынуть из женственного нежное, – значит, вынуть его душу, какие бы еще признаки привходящие не входили в это вечное понятие, вечное явление.

Поэзия Хвоцинской отличается менее всего женственностью. Она не только негодовала, но и любила. Не только негодовал и сам Салтыков. Она писала о людях природы доброй, но или гибнущих от насилия злых, или спасающихся лишь случайно. Негодование было душой ее поэзии. Она всегда обличала, потому что была возмущена, потому что – не принимала, а отрицала. Чем была возмущена? Тем же, чем были возмущены и Салтыков, и Писемский – и до них Гоголь. Пошлостью, убожеством, мелкотой людишек. Царство Небесное – и кривая рожа России – это коллизия Гоголя. Человечье общество на правде стоящее – и глуповская пошехонская Россия. Это Салтыков. Обыватели, ничтожества, выдающие себя за героическое величие – ⁽²⁾ это Писемский. Общество, в котором нет места женщине – и которому имя – отвратительное («В ожидании лучшего») или еще картинней – сорочье гнездо («Первая борьба»).

Женщина обречена на существование нынешнее(?) – выхода из него нет, пока она не отнесется сверху к тем, кто ее обрекает. Она – «баба» и раба. А как живут господа? Те, кто обрекли? Мужчины – они сами выют сорочьи гнезда, – если они сильны (в «Первой борьбе») или сидят в сорочьих гнездах, куда их сажают, овладевшие ими женщины, «бабы» – дамы.

При этом обличение Хвоцинской демократично. Отвратительные порождения отвратительного общества, барышни, тоскующие пока они не станут содержанками, их матери-полубарыни, вся мечта которых, – стать настоящими барынями ценой того, что их дочери купят им приличное общественное положение, продавая себя, и с таким приличьем, что никто не назовет это проституцией.

Мужчины, которые, желая жить для себя – и не зная никакой другой святыни, уже тринадцати лет уже умеют шантажировать своих богатых

² Далее было: сорочье гнездо («Первая борьба») – зачеркнуто.

родственников, подслушав их дамские тайны, а по восемнадцатому году в погоне за изящной и нарядной жизнью — отдаются влюбленным в них девушкам по денежному расчету.

Вот содержание двух самых замечательных романов Хвоцинской — «В ожидании лучшего» и «Первая борьба». Все дрянь — и женщины, и мужчины, — если понять их как «порождение отвратительного общества», как птенцов «сорочьего гнезда». Те, кто вдали от него, — только те люди, но они гибнут от власти властителей подлости (?). И мужчины, и женщины. И отец героя из «Первой борьбы», и героиня повести — одно из самых живых созданий в нашей литературе.

И мужчины, и женщины — гибнут; и те, и другие — губят. Кто виноват? Те, кто создал, — отвратительное общество. Виновники растленной дворянско-мещанской общественности — мужчины. Культура мужская, а не женская. Вы — нас такими сделали — для ваших же потребностей и надобностей. — Вы хотели, мы и вьем вам сорочьи гнезда.

Вот женский вызов — мужской культуре.

Лиричнее, мягче, женственнее — он брошен в «Большой Медведице». Катерина — не жертва, это женская страсть, тоскующая о мужском как о верующем и деятельном. Но Верховские прочно уселись в гнездах, куда их посадили высиживать новых птенцов той же дрянной общественности, — их собственное порождение. Женщины — проститутки по своему существу...

Прошли годы, десятки лет. Четверть века от смерти Хвоцинской. Что случилось за эти годы с этим женским вызовом, с этой разрушающей мечтой, которой женщины отвечали тогда на мечту мужскую?

Времена изменились. Идея женского освобождения не отменена, не забыта. Мы давно уже стали настолько культурны, чтобы ничего не отменять, не разрушать. Но постепенно развивать и развиваться. Идея женского освобождения в наши дни явственно видоизменилась. Из гражданской она стала эстетической: мы мечтаем теперь о священном гетеризме.

Мы — мужчины! Чем ответить женщинам? Мужской мечте о «вечно-женственном» — женщина ответила так называемым пробуждением женской личности, женской эмансипацией, иногда очень горьким и злым, но не остановилась на обличении.

Под знаком Большой Медведицы, смутно слыша в потемках откуда-то раздавшийся голос Верховского, Катерина не отзывается на него. И уходит учить крестьянских детей, которые уже давно ждут ее. К детям, в народ.

Чем ответит теперь женщина — на мужскую мечту о священном гетеризме? Или уже ответила.